ЮРИЙ ГАЙДУК

НЕ ТОЛЬКО МАФИЯ БЕССМЕРТНА

ЯКУДЗА

ИЛИ КОГДА И КРАБЫ ПЛАЧУТ

Мафиози и шпионы

Юрий Гайдук

Якудза, или Когда и крабы плачут

«Издательство АСТ»
2024

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гайдук Ю.

Якудза, или Когда и крабы плачут / Ю. Гайдук — «Издательство АСТ», 2024 — (Мафиози и шпионы)

ISBN 978-5-17-161712-7

Роман на основе реальных событий! Ряд громких убийств заставляет всполошиться весь Дальний Восток – началась криминальная переделка икорно-рыбного рынка, в которую вовлечены и русская мафия, и, конечно, вездесущая якудза. Ситуация складывается настолько исключительная и опасная, что от полиции требуется работать просто-таки с ювелирным мастерством, поэтому из Москвы на Сахалин отправляют следователя по особо важным делам Родиона Родионова, а параллельно с ним ведут это дело японский офицер Акира Нуамо и внедренный в мафиозные структуры подполковник российской разведки по прозвищу Седой. С Сахалина расследование то и дело переезжает в Японию и Южную Корею, а за спиной полиции якудза устраивает собственные разборки «по японским понятиям». Жизнь шпиона Седого висит на волоске…

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161712-7

© Гайдук Ю., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Пролог 6
Часть первая 8
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Юрий Гайдук
Якудза, или когда и крабы плачут

© Гайдук Ю., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

На северо-западной оконечности острова Хоккайдо заканчивался сезон муссонных дождей, и в лучах закатного солнца, которое легким багрянцем подкрашивало мглистую рябь пролива Лаперуза, уже просматривался заостренный край мыса Крильон, южной точки Сахалина. Сбрасывал с себя насквозь промокший плащ и Вакканай, удельное княжество японских рыбаков. Жизнь налаживалась, но пропитанный тяжелой морской влагой воздух да устоявшиеся лужи, которые, казалось, уже не принимала земля, все еще мешали войти городу в обычный ритм. Темнело довольно быстро, как-то разом, словно сверху набрасывали огромное, темное полотно, к тому же власти берегли каждую иену на уличном освещении, так что вечерами пустела не только окраина, но и центр с его многочисленными магазинчиками, харчевнями и прочей чисто национальной мишурой. И лишь у причалов рыбного порта, где японская речь перемежалась с русской, не было ни минуты простоя. Малые и средней тоннажности траулеры и сейнеры швартовались к причальным стенкам, мгновенно разгружались, выгребая из трюмов еще живых крабов и особо ценные морепродукты, оптовики расплачивались с капитанами, и обшарпанные, донельзя потрепанные посудины, пополнив запасы водой, топливом и харчами, тут же отваливали, освобождая место очередному траулеру, грузно осевшему в провонявшую рыбой воду.

Время – деньги. Этой заповеди в порту Вакканая придерживались как местные, так и российские рыбаки, начиная от капитана и кончая палубным матросом. Здесь не было ни алкоголиков, ни тунеядцев – вкалывали все, причем вкалывали от гимна до гимна, четко усвоив простую истину: время – это деньги. И даже несмотря на все разногласия по «Курильскому вопросу», на котором политики уже все копья сломали, а остров Кунашир словно дразнил японцев своей недосягаемой близостью, к русским рыбакам тут относились с великим почтением – кормильцы.

На город уже давно опустился вечер, пеленая его окраины в темные тона, когда неподалеку от офиса акционерного общества «Дальроса», окруженного вечнозеленым, в человеческий рост кустарником, остановилась темно-серая, в тон сгущающимся сумеркам «Хонда» и из нее вышел мужчина с курткой в руке. Предварительно осмотревшись и что-то сказав водителю, он посмотрел на часы, удовлетворенно хмыкнул и направился к парадной двери, за которой все еще кипела жизнь – в приемной и еще в двух окнах горел свет. Перекинув куртку в другую руку, остановился в десяти метрах от входа, немного подумал, шагнул в сторону кустарника и словно растворился в нем…

Утром следующего дня газеты острова Хоккайдо пестрели зловещими заголовками, не менее мрачными «репортажами с места события» и более осмысленными статьями, смысл которых можно было бы выделить в пять броских предложений:

«УБИЙСТВО В ВАККАНАЕ! ЖЕРТВА – ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР “ДАЛЬРОСЫ” АЛЕКСАНДР ЛОЖНИКОВ. ЕСЛИ РАНЬШЕ РУССКАЯ МАФИЯ РАЗБИРАЛАСЬ СО СВОИМИ КОНКУРЕНТАМИ В ГОРОДАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, ТО ТЕПЕРЬ ОНА СВОИ РАЗБОРКИ ПЕРЕНЕСЛА НА БЕРЕГА ХОККАЙДО. МОЖЕТ, ЯПОНЦАМ ХВАТИТ ОДНОЙ СВОЕЙ МАФИИ, ЯКУДЗЫ? ОБЩЕСТВО ВЗЫВАЕТ К ПОЛИЦИИ ХОККАЙДО НА КОРНЮ ЗАРУБИТЬ СМЫЧКУ РОССИЙСКОГО БЕСПРЕДЕЛА С ЯКУДЗОЙ, КОТОРАЯ, ПОДОБНО ЗАРАЗЕ, РАСПОЛЗАЕТСЯ ПО ОСТРОВУ».

(Для служебного пользования сотрудников МВД, СВР и ФСБ РФ)
Справка составлена на основе исследования, проведенного
Национальным Полицейским Агентством Японии.

Возникшая более трехсот лет назад, якудза остается наиболее могущественной мафией на Земле, хотя ее «крестные отцы» повторяли и повторяют, что это совершенно неверно – смешивать якудзу с мафией. У якудзы «славные» традиции, и она всегда помогала согражданам. И как бы в подтверждение этого они пытаются отождествлять себя с Робин Гудами, пользуясь при этом символикой классической японской поэзии, цветами лотоса на поверхности затхлого пруда жизни. Это наиболее закрытое сообщество из всех мировых мафиозных сообществ, история которого начинается в семнадцатом веке от некоего самурая и картежника по имени Бандзуйин Тебэй, открывшего в Эдо (нынешнее Токио) первый игорный дом. Поняв, что карты могут приносить ему не только деньги, Тебэй установил с властями доверительные отношения, в результате чего смог взять под свой контроль рынок рабочей силы. Теперь уже к нему стали обращаться, когда нужно было действовать «за гранью фола», чего не могла себе позволить официальная власть. За всю свою историю якудза претерпела огромные изменения, однако те принципы, которые сделали ее непотопляемой, – появляться там, где возникают трудности с решением какой-либо проблемы, и сотрудничество с властями, – были заложены еще в те далекие времена. С тех же времен прослеживается и название – «якудза». «Я» по-японски «восемь», «ку» – «девять», «дза» – устаревшая форма от «сан» («три»). В сумме двадцать – особое число в японских карточных играх.

В настоящее время, когда мафиозные структуры расползлись по островам, нанося ущерб не только цивилизованному имиджу Японии, но также являясь тормозом для экономики, власти ужесточили законодательство и попытались повести тотальное наступление на якудзу, как вдруг оказалось, что вырвать ее из контекста японской действительности уже невозможно. Также выяснилось, что консенсуса по вопросу о том, нужна ли стране мафия, среди политических партий нет. И дело не только в том, что многие политики связаны с мафией, но похоже, что и простые японцы привыкли к якудзе. Многие из них боятся, что утратив якудзу, они перестанут быть японцами.

Однако якудза не была бы якудзой, если бы уже в середине девяностых годов не заявила о готовности оказать финансовую и материально-техническую помощь по ликвидации разрушительного землетрясения, превратившего город Кобэ в руины. Или как оценивать распространенную у якудзы практику отрубать себе пальцы, тем самым демонстрируя признание собственной вины или ошибки?

Ныне деловая активность якудзы напоминает деятельность знаменитых корпораций, имеющих многопрофильный характер, и все-таки главная прибыль якудзы – наркотики. Источники поступлений – Гонконг, Южная Корея, страны Юго-Восточной Азии. В последнее время можно было услышать разговоры, что законопослушные японцы устали от своей мафии и вскоре ей придет конец. Однако по оценке аналитиков и реально мыслящих полицейских – это всего лишь слухи. После некоторого затишья якудза вновь в центре внимания, и все чаще и чаще специалистами по якудзе высказываются предположения, что надвигается очередной передел сфер влияния, который не может не затронуть Дальневосточный регион России.

Часть первая

МОСКВА

Домой Родион Родионов вернулся едва ли не заполночь. Еще в субботу утром он был приглашен на дачу к приятелю, жена которого пыталась сосватать Родионова своей подруге, отчего-то думая, что ему совсем уж хреновато после скандального развода, и он едва отбился от насевших на него баб, чтобы только уехать домой одному. Едва переступив порог, включил телевизор, и, не переставая удивляться тому, отчего это воскресными вечерами становятся занудными и неинтересными все телевизионные программы, сбросил с себя провонявшую шашлыками одежонку и тут же полез под душ, наслаждаясь горячими струями. Резкое бренчанье телефона он услышал, когда уже окатил себя холодной водой и растирался махровым полотенцем. Недовольно скривившись – кто бы это мог быть в первом часу ночи, он снял трубку и тут же невольно подтянулся, узнав голос шефа Следственного комитета Российской Федерации, который не очень-то баловал своих подчиненных персональными звонками домой.

– Родион Витальевич? – прогудел в ухо Быстров. – Твой мобильник не отвечал, так что уж извини, что беспокою в столь позднее время.

– Да о чем вы говорите! До двенадцати одни дети спать ложатся.

– В таком случае слушай сюда. Сегодня решился вопрос о более чем серьезной командировке, так что выбор пал на тебя, и если нет серьезных оснований для отказа…

Несмотря на дипломатичность выражений, тон начальника был беспрекословно жесткий, и Родионов принял его как должное.

– Вопрос. Командировка длительная?

– Судя по всему, да, причем с поправкой на Дальний Восток, точнее говоря, Сахалин. Однако отправная точка – Япония. Так что лишняя пара белья не помешает.

– Слушаюсь. Как говорится, нищему собраться – подпоясаться.

– Даже так? – хмыкнул Быстров. – Подпоясаться… Что-то не слышал, чтобы следователи по особо важным делам к разряду нищих себя относили. Ну да ладно, жду завтра в девять.

Выложив перед своим сотрудником подборку японских газет с подколотыми к ним переводами тех статей, которые были обведены черным фломастером, шеф наблюдал за его реакцией, и по мере того, как все мрачнее становилось лицо Родионова, он, видимо идя за своими собственными мыслями, утвердительно кивал головой. Когда же последняя страничка была дочитана, спросил без особого энтузиазма в голосе:

– Ну и что можешь сказать по этому поводу?

– Только то, что мы вляпались в какую-то историю на международном уровне. – Понимая, что нужен более емкий ответ, добавил: – Информации маловато, Николай Петрович, а в газетах одни эмоции и никакой конкретики.

– Что ж, возможно, ты прав, информации маловато. Как бы там ни было, но в Вакканае убит Александр Борисович Ложников, генеральный директор акционерного общеста «Дальроса», он же – кандидат в Госдуму от «Единой России», и именно этот факт ложится в основу уголовного дела.

– Кандидат в депутаты, крупный бизнесмен… – удивлению следователя не было предела, – для того, чтобы решиться на убийство подобного деятеля, нужны серьезные основания. Кстати, а его, случаем, не по ошибке завалили? Все-таки поздний вечер, темно… Или, скажем, убийство на бытовой почве? Жену у кого-нибудь увел или любовницу?

По лицу Быстрова скользнула скептическая ухмылка.

– Твоими бы устами да мед вкушать. Я бы тоже хотел придерживаться версии убийства по личным мотивам, но здесь совершенно иное. В общем, прошла информация, что генеральный

директор «Дальросы» находился в тесной связке с Сохатым, который контролировал добычу краба и особо ценных пород рыбы в регионе и которого незадолго до убийства Ложникова также настигла пуля киллера.

– Даже так? – нахмурился Родион, мгновенно просчитав, в какой скандал может вылиться расследование подобного дела. – Вор в законе по кличке Сохатый и кандидат в депутаты Государственной Думы господин Ложников.

– Похоже, что так, и если эта информация подтвердится… Короче, на нынешний день это худшее из того, что можно придумать.

– Насколько я догадываюсь, «худшее» для политического рейтинга единоросов?

Умудренный жизнью, битый-перебитый более высоким руководством, начальник Следственного комитета откашлялся, словно у него запершило в горле.

– А вот этого ты не говорил, а я не слышал. Для нас с тобой все равны, что «Единая Россия», что ее оппоненты. Но убийство Ложникова приобрело слишком громкий резонанс, и, как ты сам догадываешься, ход расследования уже поставлен на контроль.

– И, естественно, пошли разговоры, что конкуренты убирают с дороги единоросов?

– Угадал, подобные разговоры также имеют место, но не это главное. Кто-то пустил слушок о причастности Ложникова к мафиозным структурам на Сахалине, и уже не столько единоросы, сколько их оппоненты требуют тщательного расследования, загодя обвиняя его во всех смертных грехах. Короче говоря, существует депутатский запрос, и разбираться в этом придется тебе.

– В составе следственной бригады?

– Пока что никаких бригад, тем более раздутых. Просто мобильная оперативно-следственная группа, которую тебе поможет сколотить Агеев, замначальника СК по Сахалинской области, с которым ты неплохо знаком. Твоя задача – разобраться в том, что за каша заваривается на Дальнем Востоке, тем более что место Сохатого занял некий Мессер, по паспорту Роман Камышев, и если верить объективке, это более умный и более хитрый зверь, прошедший горнило девяностых годов.

– То бишь криминальный авторитет, отвечающий требованиям времени.

– Пожалуй что так, но и это еще не все. Ложникова убили в Вакканае, а это уже весьма серьезный звонок, и вот в какой связи. По линии Службы внешней разведки прошла оперативная информация, что на совершенно новый виток вышла смычка дальневосточных мафиозных структур с якудзой, а это головная боль не только для России, но и для японской полиции, и поэтому они готовы к сотрудничеству с нами.

– Что, господа японцы до такой степени боятся сращивания наших криминальных структур с якудзой? – хмыкнул Родионов.

– Боятся, но не только этого. Главное, что их страшит, так это варварский вылов краба и тех пород рыбы, без которых для японца заканчивается полноценная жизнь. У них тоже есть трезвые головы, которые болеют за будущее своей нации. И вот они-то и подсчитали, что если подобный отлов краба, тунца, морского ежа и гребешка будет продолжаться такими темпами еще лет десять, то им придется менять свое меню и подумывать о том, как наладить промышленное производство «крабовых палочек», подобных тому дерьму, что мы с тобой покупаем в супермаркетах. А это для японца – смерть.

– Выходит, прижало?

– Похоже, что так. И поэтому в Вакканае с тобой будет работать сотрудник иностранного отдела полицейского управления Хоккайдо, который и введет в курс дела. Что же касается нашей стороны, то всю информацию по криминогенной обстановке на Сахалине тебе предоставит Агеев и он же даст полный расклад по Ложникову. Я имею в виду как человека и как бизнесмена, царствие ему небесное.

– А как относительно моих полномочий? – не мог не спросить Родионов. – Палки в колеса никто вставлять не будет, я про региональное управление ФСБ?

– Исключено. Тем более что все согласовано с Главным управлением, и мне дали понять, что в сахалинскую камарилью уже внедрен опытный оперативный сотрудник.

ЮЖНО-САХАЛИНСК

– Господи, помоги, – прошептал Крымов разбитыми губами и затаился, невольно ожидая очередного града ударов, когда сплошная, вяжущая боль выбивает сознание и человек превращается в окровавленный мешок. Однако его больше не мутузили, выбивая чистуху, и он попытался собраться с мыслями, чтобы проанализировать линейку тех событий, что привели его в пресс-камеру южносахалинского СИЗО.

…Восстанавливаясь после очередного спецзадания, он отдыхал на Багамских островах, куда в это время года съезжается весь «цвет» столичного криминалитета, как вдруг его срочно отозвали в Москву, и он был доставлен на конспиративную дачу в ближнем Подмосковье. Судя по всему, намечалось что-то архисрочное и столь же важное, если его уже ждал генерал Панков, шеф спецподразделения СВР, и он не ошибся в своем предположении. Едва справившись о самочувствии и приказав принести в беседку кофе с коньяком, генерал сразу же перешел к делу.

Оперативный источник сообщал, что после убийства в Вакканае генерального директора «Дальросы» Александра Ложникова и дальневосточного авторитета Ивана Кузьмина, имевшего кличку Сохатый, начался передел икорно-рыбного рынка на Сахалине и теперь кроме подельников последнего убираются даже те бизнесмены и политики, которые обеспечивали Сохатому комфортную жизнь и являлись членами дальневосточной ложи «неприкасаемых». Место Кузьмина занял сахалинский авторитет Роман Камышев. Убийством Ложникова занимаются следователь по особо важным делам СК Родионов и офицер иностранного отдела полицейского управления Хоккайдо Акира Нуамо. Что же касается Крымова, его задача влиться в ближайшее окружение новоиспеченного короля рыбной мафии и попытаться выявить не только его теневые связи с покровителями всех уровней, но, что еще не менее важно, – степень сращивания с якудзой и южнокорейскими группировками, которые также претендуют на дальневосточный икорно-рыбный и крабовый рынок.

Вслушиваясь в неторопливый монолог своего начальника и друга, с которым они съели не один пуд соли, он уже знал, почему выбор пал именно на него.

Роман Камышев, Мессер. Свое погоняло он получил на той же зоне, где барабанил свой «первый срок» и он, Антон Крымов, по разработанной легенде поимевший кличку Седой. В те далекие времена, а это был последний год советской власти, им обоим было чуток более двадцати лет, и Ромка Камышев, закоренелый гоп-стопник, не переносивший над собой даже малейшего насилия, хватался за финку всякий раз, когда на него пытались наезжать лагерные отморозки. Оттого и кликуху заработал знатную – Мессер, на жаргоне – финский нож. Батрачили они в одном отряде, даже корешили между собой, а после того случая, когда в промзоне на Камышева наехали трое уродов из четвертого отряда и Антон вступился за него, между ними установились доверительные отношения, которые прекратились вместе с распадом Советского Союза. Зону расформировали, после чего кого-то этапировали на Север, кого-то на лесоповал в Марийскую Республику, Седому, можно сказать, повезло. До «окончания срока» ему оставалось четыре месяца, и он попал в Саратов, где и комаров поменьше, да и баланда не такая жидкая, как в той же Йошкар-Оле.

Вот тебе и кореш! Двадцать лет о нем ничего не слышал, и вдруг – дальневосточный авторитет, поставивший на уши не только Сахалин и Курилы, но и Москву. Ай да Мессер, ай да сукин сын, добился-таки своего!

Видимо, догадавшись, о чем он в тот момент думал, Панков спросил негромко:

– Что, Мессера вспомнил?

– Его самого.

– И что?

– Пока что ничего определенного сказать не могу, все-таки много воды утекло, но если задача уже поставлена…

– Поставлена, Антон! Поставлена. И задача эта поставлена лично президентом.

– Что, настолько все серьезно?

– Серьезней не придумать. Ситуация на Сахалине вышла из-под контроля, и если мы не помешаем более плотному сращиванию дальневосточного криминалитета с якудзой и южнокорейскими мафиозными кланами… В общем, дела хреновые, но и это еще не всё. Также прошла информация, будто эмиссары южноазиатских наркокартелей начинают прощупывать сахалинский криминалитет, дабы воспользоваться уже наработанными каналами сбыта икорно-крабовой и рыбной мафии для своих собственных целей.

– То есть воспользоваться этими каналами для продвижения наркотиков в Россию?

– Так точно. И наша задача – перекрыть эти каналы раньше, чем они заработают в полную силу. Причем сделать это можно только через Мессера, которого ты знаешь довольно хорошо, и, как вывод, никто, кроме тебя, эту миссию выполнить не сможет.

Рявкнуть бы на тот момент: «Служу России!» – но Крымов лишь скривился в страдальческой гримасе:

– Так-то оно так, но спустя два десятка лет возобновить прежние отношения с Камышевым, это, прости меня за скепсис…

– А вот насчет этого уже есть кое-какие наметки, – перебил его генерал, – и операцию эту мы назовем простенько и коротко «Внедрение».

В разработке операции, в основу которой легла оперативная информация по криминогенной обстановке на Сахалине, Панков решил использовать перехваченный в Москве заказ на южносахалинского предпринимателя, господина Чернявского, теневого конкурента Мессера, пуля которому отливалась в столице. Подключив региональное управление ФСБ и дождавшись, когда на его стол ляжет схема ежедневных перемещений бизнесмена и список его привычек, он «благословил» Крымова (Седого) на командировку.

Тот вечер пятидесятилетний бизнесмен должен был провести в ресторане, где его поджидал оптовик из Новосибирска, надеявшийся провести с ним выгодную сделку. Это было исключительно удобное место для засады, да и время идеальное. Наваливающиеся на город сумерки, шеренга вытянутых вдоль улицы домов с автобусной остановкой и небольшой сквер, переполненный влюбленными парочками.

«Засветившись» несколько раз в скверике, Седой пробрался на крышу дома, торец которого почти вплотную примыкал к ресторану, и, достав из сумки прибор ночного видения, стал наблюдать за подъезжающими иномарками. Из машин выползали солидные мужики с шикарными девахами и вальяжно входили в предупредительно распахнутые двери, откуда уже неслась разухабистая музыка, слышался разноголосый гул, похожий на рокот морского прибоя, а чуть в сторонке, на пятачке, засаженном кустарником, какой-то особо нетерпеливый самец наслаждался молодой бабенкой, оголив ее задницу и сунув мордой в ствол березы. Народ гулял, и Седой только усмехался, представляя, что будет здесь твориться через какие-нибудь четверть часа, когда во дворе появится машина Чернявского и он сделает свой единственный выстрел. Бизнесмен отчего-то задерживался, и Антон начал нервничать, осторожко всматриваясь в темноту. Однако всему приходит конец.

Когда к парковочной стоянке подкатил «Форд» с тонированными стеклами, он облегченно вздохнул и поудобнее перехватил винтовку с оптическим прицелом. Дождавшись, когда из машины выберутся два плечистых охранника, Крымов чуть сдвинул ствол и прильнул

щекой к прохладному ложу. Затаил дыхание, высматривая, когда же в проеме открытой дверцы появится сахалинский конкурент Мессера.

Один из телохранителей распахнул дверцу и чуть отступил назад, пропуская хозяина и тем самым оставляя его один на один с киллером…

Чавкающий звук свинца о дверцу «Форда» и заполошный крик заметавшихся у машины охранников.

Видимо, еще не веря в то, что их хозяин жив и даже вроде бы как не ранен, один из них втолкнул Чернявского обратно в салон и, прикрывая его спиной от повторного выстрела, что-то крикнул водителю. Второй же метался по парковке и тоже что-то орал, видимо, впервые столкнувшись с подобной ситуацией. Теперь у Седого оставались считаные секунды, чтобы без особых осложнений уйти с крыши, где его могли пристрелить без суда и следствия люди бизнесмена.

Отбросив винтовку, он стащил напальчники, привычным движением сбросил с плеч камуфляжный комбинезон, темную матерчатую маску, сунул все это в сумку и последний раз посмотрел на парковочный пятачок, где в панике бегали люди и кто-то кричал, чтобы вызвали скорую помощь. Подхватив сумку, он невольно усмехнулся. Единственное, чем могли бы сейчас помочь врачи скорой, так это вкатить в задницу господина Чернявского слоновью дозу успокоительного.

Оставшись в костюме, элегантность которого подчеркивал красиво завязанный галстук, он спустился с крыши и едва успел сунуть сумку в мусорный контейнер, как почти нос к носу столкнулся с пьяненьким мужичком, который то ли пустые бутылки здесь собирал, то ли подыскивал укромное местечко, где можно было бы спокойно опорожниться. Выругавшись от неожиданной встречи, Крымов невольно подумал, что мужичок этот, считай, только что второй раз родился. В случае настоящей акции его надо было бы непременно убрать как весьма опасного свидетеля, а так… И он, скорректировав свой шаг, направился к остановке, но вместо того, чтобы сесть в подъехавший автобус, остановил такси и попросил отвезти его в аэропорт.

То, что южносахалинская полиция уже заметалась в поисках киллера, покусившегося на жизнь известного на острове бизнесмена, и у них объявлена система оперативного перехвата, Седой понял из того, как в зале ожидания зашуршали неизвестно откуда появившиеся менты и стали всматриваться в лица людей, выборочно проверяя документы. Впрочем, иного и быть не должно. Недаром же он старался «засветиться» везде, где мог, в надежде, что операм удастся по горячим следам составить вполне сносный, но главное – узнаваемый фоторобот.

Он рассматривал купленный в киоске журнал, оставаясь почти безучастным к происходящему, когда очередь, наконец-то, дошла и до него. Патруль. Один в штатском и двое сержантов в бронежилетах с автоматами на груди. Тот, что был в штатском, каким-то острым, пронизывающим взглядом мазнул по его лицу и попросил документы и билет. Крымов протянул ему паспорт, в который был заложен посадочный талон. Оперативник долго, может быть, слишком долго изучал фотографию владельца, посмотрел место прописки, и когда Антон уже протянул руку, чтобы забрать паспорт, властно произнес:

– Пройдемте со мной.

– Зачем? – удивлению пассажира, казалось, не было предела.

– Маленькая формальность, – пояснил опер. Но когда Антон замешкался, что было вполне естественным в его положении, повысил голос: – Попрошу не задерживать!

Недоуменно пожав плечами, Седой зашагал вслед за человеком в штатском, почти ощущая спиной стволы автоматов. Его провели в дежурную часть отделения транспортной полиции, и когда он перешагнул порог…

Господи, будь он настоящим киллером, надо было бы непременно скрутить голову тому бродяжке, который оказался свидетелем его отхода с крыши дома. Судя по всему, не так уж и

пьян был тот бомж, если смог в считаные секунды разглядеть и запомнить его лицо. Но главное – он более-менее толково описал приметы неизвестно откуда появившегося человека.

В небольшом помещении сгрудились взволнованные мужики, которых пасли вооруженные автоматами полицейские. И все бы ничего, если бы каждый из этих задержанных не был отдаленно похож на Крымова. Рост выше среднего, слегка выпирающие скулы, округленный подбородок. Лишь в окрасе любитель помоек сплоховал – кроме откровенно седых здесь сбились в кучу и рыжие, и шатены, и блондины, и даже один лысый как бильярдный шар, давно уже отгулявший свое пятидесятилетие.

Впрочем, тот полупьяный побирушка мог дать и правильную ориентировку, когда его взяли и он раскололся относительно «убегающего мужика с сумкой в руках». А вот менты уже явно перебдели, объявив «Сирену» и взяв под особый контроль не только аэропорт, но и все те шоссе и дороги, по которым мог уйти из города несостоявшийся убийца господина Чернявского.

Осмотревшись в компании задержанных, которые уже откровенно выражали свое недовольство, Седой подошел к стойке, за которой сидел дежурный лейтенант, и на его скулах заиграли вздувшиеся желваки.

– Послушайте, лейтенант! У меня рейс на Москву, а меня приволокли сюда, причем без какого-либо объяснения. Вы не боитесь, что на вас посыпется лавина жалоб?

Привыкший ко всякого рода угрозам, дежурный поднял на него глаза, всматриваясь в лицо, затем перевел взгляд на исписанный лист бумаги, который лежал на столе, видимо, уже в десятый раз пробежал его глазами.

– Жаловаться – это, конечно, ваше право, но отпустить мы вас сможем только после выяснения кое-каких нюансов. Так что уж не обессудьте.

Его втолкнули в камеру, где уже томились в неизвестности еще трое задержанных, оказавшихся без надежного алиби на этот криминальный час, и вскоре прояснились те упомянутые «нюансы». Всю четверку выстроили рядком в кабинете следователя и ввели того самого ханурика, что промышлял на ресторанных задворках. Посмотрев на мужиков, он показал грязным пальцем на Крымова.

– Вроде он, но… может, и не он. Тот ведь с сумкой был. Но похож, очень похож.

Опознаваемым сунули в руки по спортивной сумке, и ханурик вновь забегал заплывшими глазками по лицам задержанных. И опять ткнул пальцем на Антона.

– Да, вот этот самый и бежал тогда. Темновато, правда, было, но… Точно он! Да и галстук этот… – И заторопился, сглатывая окончания слов, словно боялся, что следователь ему не поверит и засадит в кутузку почем зря: – Я ведь из бывших погранцов, гражданин начальник, еще в советские времена на китайской границе служил. И уж чего-чего, а работать по опознанию личности нас по всей строгости советских времен учили.

– Короче говоря, это тот человек, которого ты встретил на заднем дворе ресторана?

– Так точно, тот самый и есть. Я еще удивился тогда, с чего бы мужику в таком прикиде у помойки околачиваться?

Антон попробовал возмущаться, упирая на то, что «этому алкоголику и не такие глюки могут привидеться», но его сунули в камеру СИЗО, и уже новый следователь два дня кряду таскал его на допросы, стараясь выбить «чистосердечное признание». Господи, чего он только не предпринимал, а Седой терпеливо сносил многочасовые издевательства, требуя при этом адвоката и упирая на то, что он и в армии не служил, и даже пистолета в руках никогда не держал, а что касается его обвинений в попытке убийства какого-то бизнесмена, так он слишком законопослушный гражданин, который ни-ко-гда в жизни ни-че-го общего с криминальным миром не имел. Однако следователь по фамилии Брыль умел работать, и был, пожалуй, даже въедливей клеща. На третий день его, как обычно, вызвали из переполненной камеры СИЗО, где от спертого воздуха нечем было дышать, и препроводили в комнату для допросов, где за

щербатым столом уже сидел Брыль, который в сознании Крымова ассоциировался с уссурийским клещом. Кивнув задержанному на привинченный к полу табурет, он долго рассматривал его в упор, потом вдруг ухмыльнулся иезуитской улыбочкой, и его поджатые губы издали нечто похожее на змеиное шипение.

– Надо же! А ведь ты меня почти убедил в том, что чист как сокол и к криминалу никакого отношения не имеешь. Вот же сучонок! – восхищенно удивился он.

Антон насторожился. В общем-то, можно было догадаться, что пришел ответ на запрос Брыля, а это означало… Он вскинул голову.

– Простите, я не понимаю вас и настоятельно требую адвоката.

Молчание. Очень долгое, почти мхатовское молчание, и вдруг следователь заржал каким-то садистским смехом, вытирая белый налет в уголках воспаленных глаз. Он или пил вечерами по-черному, или болел чем-то, но тошнотный налет, который он выковыривал, был неотъемлемой частью его грязного, засаленного Я, и это не могло не вызвать неприязни.

– Будет тебе адвокат, только малость попозжее будет – успокоил он подозреваемого и тут же оборвал хохот, уставившись на него пронзительным взглядом. – Значит, утверждаешь, что чист как сокол? А вот это что?

На лице Брыля сияла маска торжества. Заключение дактилоскопической экспертизы гласило, что отпечатки пальцев, снятые с задержанного в Южно-Сахалинске, соответствуют отпечаткам пальцев гражданина Крымова, осужденного в 1990-м году за сопротивление милиции. Седой вздохнул и прикрыл глаза, давая тем самым понять, что он уже охренел от необоснованных обвинений и что пора бы в этом беспределе поставить точку.

– Ну и что из того, что я по малолетке в колонию залетел? Подобное с любым могло случиться, тем более, когда тебя провоцируют на драку. Что же касается меня лично, то я своё отбарабанил сполна и в девяносто первом году вышел на свободу, как говорится, с чистой совестью. – Он замолчал было, но тут же с тоской в голосе добавил: – Я, конечно, понимаю, от тюрьмы и от сумы не зарекайся, но я вам еще раз повторяю, гражданин следователь, что вы совершенно необоснованно арестовали человека, который ни сном, ни духом не ведает о каком-то Чернявском. И если вы думаете повесить на меня убийство…

– Задержан по подозрению в попытке убийства, – поправил его Брыль.

– Пусть будет так, но мне от этого не легче. Мало того, что я терплю нечеловеческие унижения, так ко всему прочему страдает и моя фирма, неся колоссальные убытки от вынужденного простоя. И я продолжаю настаивать на том, чтобы из Москвы вызвали адвоката, которому я мог бы полностью доверять.

Голосом уставшего до чертиков человека он вел свой монолог, искоса наблюдая за следователем, но по его реакции, вернее отсутствии таковой, видел, что все слова вместе с праведным гневом попросту падают в пустоту. Наконец Брылю все это надоело, а возможно, что и время подпирало, но он вдруг хлопнул по столу папочкой с протоколами допросов, и его лицо перекосила гримаса, которую только воспаленный мозг мог бы назвать улыбкой.

– Ну что же, Крымов! Если раньше ты еще мог отрицать свою причастность к попытке убийства Чернявского, то теперь, после установления твоей судимости… Короче, так. Ты у меня все равно расколешься, причем до самой жопы, и заказчика Чернявского назовешь. И не потому чистуху напишешь, что раскаялся в содеянном, а потому, что тебя кинут в пресс-камеру, где паханит Сиська, самый гнусный человек на свете.

В тот момент Седой вдруг почувствовал, как его спина покрывается жарким потом. Он прекрасно знал, что такое пресс-камера, где суд вершит поставленный на это дело пахан. Причем поставленный с ведома администрации тюрьмы или того же СИЗО. А Брыль продолжал издеваться:

– Поди, в своей Москве не слыхал про Сиську? Но ничего, познакомишься еще. Он и не у таких козлов признанки выбивал. – И заржал радостно. – А знаешь, почему у него кликуха такая? Щас расскажу.

Уже не в состоянии скрывать свои чувства, Антон с ненавистью смотрел на глумящегося следователя, а тот продолжал заливаться, словно майский соловей.

– Сиська на ту пору еще Сиськой не был и только-только начал завоевывать авторитет. И вот в один из арестов его бросили в камеру, где такие отбросы общества собрались, что не приведи господь. Причем трое особым садизмом отличались. Всех первоходок они тут же на хор ставили, а потом уже отдавали другим попользоваться. Сиська, конечно, был про всё это наслышан, и когда его в ту камеру кинули, он вдруг вместо того, чтобы сказать положенное «Привет, братва», выдал нечто непонятное: «Ну что, детишки, дождались свою мамку?» Камера, естественно, онемела от подобной наглости, а он продолжал: «Вижу, что дождались. И молочка, поди, хотите? Но предупреждаю: сиська у меня одна, так что сосать ее будете по очереди».

– Ну, конечно, кто-то попытался прыгнуть на него, – продолжал изгаляться явно довольный Брыль, – но Сиська не был бы Сиськой, если бы не выбил кому-то зубы, кому-то ручонку попутно сломал. В общем, камера от него отступилась и признала своим паханом. Но с тех пор это погоняло словно приклеилось к нему. Сиська – и все тут.

Вороша в памяти весь этот кошмар, Антон вспомнил, как в глазах следака засветилось что-то садистское.

– Ну что, Крымов, убедил я тебя? Колись же, колись, тебе же лучше будет, а то ведь калекой после пресс-камеры останешься. – Однако, видимо поняв, что словами он ничего не добьется, оборвал свои увещевания и нажал истертую кнопочку вызова конвоя…

Что было после, даже вспоминать страшно. И лишь через кровавое марево пробивалась узколобая рожа капитана Брыля и его шипение, когда он совал в руку листок бумаги: «Пиши, сука, признанку! Пиши, а то ведь потом поздно будет». Что наступит потом, Седой мог только догадываться. Судя по всему, своим выстрелом в Чернявского он всполошил Мессера, которому необходимо было знать, кто конкретно в Москве стоит за этим покушением. Главное сейчас для следователя и тех, кто давил на него сверху, заставить назвать имя заказчика, ну а дальше… Так что надо было кончать игру в поддавки и навязывать капитану и его беспредельщикам уже свою игру.

…Крымов оторвал от бетонного пола окровавленную голову, чуть приподнялся, опираясь на руки, и с тупой бессмысленностью уставился на сидящих за грубо сколоченным столом сокамерников. Вспоминая уроки спецшколы КГБ СССР, когда его учили держать боль, он сконцентрировался, собрав в единый кулак всю свою волю, и вдруг понял, что в камере наступила гробовая тишина. Эти отморозки, руками и ногами которых следаки выбивали из своих подопечных чистухи и нужные им показания, смотрели на него, как на ожившее привидение, место которому уже заказано на кладбище. Нет, они не боялись крови и распухших от побоев рож. Они боялись живых и непокорных, вернее их мести, случись непредвиденное, и именно на этом он решил сыграть.

Неожиданно это безмолвие прорезал истеричный вопль молодого баклана:

– Живой, с-сука! Блядь буду, живой!! – И тут же: – Пахан, я замочу его! Бля буду, рука чешется.

Уже по-настоящему опасаясь, что он не успеет и рта открыть, Антон шевельнул было разбитыми губами, но его опередил Сиська:

– Заткнись! – И уставился на бунтаря, будто видел его впервые. А может, и удивление нашло вместе с невольным уважением, что не поддается пыткам мужик.

Дождавшись, когда баклан уберется в дальний угол, Седой с трудом разлепил запекшиеся в кровавых струпьях губы:

– Р-раз-разговор имею.

Вновь образовавшееся затишье разорвал возглас все того же баклана:

– Во, бля, оклемался! Щас я его, с-с-суку…

– Заткнись! – снова оборвал не в меру разошедшегося парня властный голос Сиськи и тут же, но уже обращаясь к Крымову: – Ну? Если есть что сказать, говори.

Седой помолчал какое-то время, словно обдумывая, стоит ли посвящать в свои дела насторожившихся соседей, и вдруг страшно застонал, схватившись руками за живот. Такого с ним еще не случалось с тех самых пор, как его бросили в пресс-камеру, и это, видимо, произвело должное впечатление.

– Ты чего, мужик? – свистящим шепотом спросил кто-то.

Закрыв глаза, словно приступ страшенной боли отобрал у него последние силы, он почти выдавил из себя:

– Подойди сюда, Сиська.

Сокамерники как один повернулись в сторону пахана, но тот уже поднимался из-за стола, с тревогой присматриваясь к «клиенту».

– Ну же, телись, – прогудел он, – чего сказать хочешь?

С трудом шевеля губами, Крымов скривился в мучительно-болезненной гримасе.

– Я бы… я бы к тебе не пошел на поклон, но… к-кажется, я у-уми-раю…

– Ты… ты чего, с-сука?!

– Аппендицит у меня. Операцию должны были делать, но, видать… видать, гной в кровь пошел. Короче, просьба к тебе великая.

– Ну? – насторожился Сиська.

– Слышал, будто у вас теперь Мессер паханит. Так вот… передай маляву на волю, чтобы он похоронил меня по-человечески. Мол, Седой просил, Антон Крымов.

Кто-то негромко хихикнул, но Сиська зыркнул глазом на весельчака, и тот сразу же оборвал смешок. Все что угодно мог ожидать смотрящий, кроме подобных слов. Он обвел вопросительным взглядом своих сокамерников, но тут же пришел в себя, и в его голосе зазвучали прежние угрожающие нотки:

– Мессеру, говоришь? Маляву скинуть? Да ты хоть врубаешься, бельмондо московское, о чем ты сейчас гнус порешь? Кто такой Мессер и кто ты!

– Это… это корефан мой старый… еще по первой ходке… Ромка Камышев… и он… он все сделает для меня. Ты только… только маляву передай.

Теперь он выдавливал слова хоть и тягуче медленно, но четко, и каждое камнем оседало в воздухе.

– Врет! Врет, сука! – осмелев, неожиданно опять заорал неуемный баклан.

– Да заткните ему пасть! – проревел камерный пахан и склонился над Антоном. – Слушай, Седой, или как тебя там, ты… ты что… действительно?..

Но тот продолжал почти бессознательно бормотать:

– Передай маляву… доброе дело сделаешь… да и перед Мессером чист будешь.

Он замолчал, и его голова откинулась в лужу крови. Прошла секунда, другая, и в камере словно что-то изменилось – все смотрели на Сиську. И вдруг вновь завизжал баклан:

– Все! Пиздец!! Чего ж ты раньше, с-с-сука, про Мессера-то… – И заскулил, получив от кого-то хлесткий удар по морде: – За что? Падла!

Но на парня уже никто не обращал внимания. Все знали, что такое аппендицит, тем более лопнувший, когда гной пошел в кровь, отчего окочурился не один зэк, как знали и то, кто таков Мессер, и если он выяснит, что его кореша по первоходке замочили в пресс-камере, приговор

будет коротким: заточка в печень или удавка на шею, дабы другие мозгами шевелили. И опять заскулил оклемавшийся баклан:

– Пахан… Слушай сюда, пахан. Ведь из-за него же нас всех…

– Это уж точно, – подтвердил кто-то из-за стола, – Мессер подобное никогда не простит. – И вдруг завопил голосисто: – Брыль-блядина! Это ж надо так подставить!

И тут вдруг все взорвались единым криком, а явно струхнувший Сиська был схвачен за отворот рубашки.

– Слухай сюда, пахан! Надо что-то делать, иначе нам всем пиздец! А я на деревянный бушлат не подписывался.

Отбросив руки вцепившегося в него сокамерника, пахан угрожающе процедил:

– Тихо! Щас разберемся. – И вдруг рванулся к двери, громыхнул по железу тяжелыми кулаками: – Человек умирает!

По бетонному полу гулкого коридора загрохотали ботинки контролеров, металлическим звоном стукнула щеколда, и в раздаточном оконце нарисовалось встревоженное лицо коридорного.

– Ша! – заорал он, и уже на тон ниже: – Чего случилось?

– Брылю звони, – рявкнул Сиська, – Седой помирает!

– Что, замочили?

– Ты чего, козел поганый! – завопил кто-то. – Да за такие слова…

Страх, дикий нечеловеческий страх давил на этих отморозков, и они готовы были даже коридорного сожрать с говном, лишь бы не оказаться под тяжелым прессом Мессера. Здесь-то охрана отметелит да отпустит, а Мессер, узнай он вдруг о смерти своего корефана… Голова в кустах и яйца на телеграфном проводе.

– Ша, козлы! – заорал пахан и вновь повернулся лицом к коридорному. – Аппендицит у мужика. Видать, гной в кровь пошел… уже ногами сучит. А капитан приказал, что он живой ему нужен. Соображаешь? И я не хочу, штоб меня, как петуха последнего, раком из-за него поставили.

Он замолчал было, как вдруг опять взорвался бешеным ревом:

– Врача зови, с-с-сука!..

Догола раздетый, с опущенными до колен трусами, которые фельдшер то ли забыл, то ли побрезговал натянуть обратно, Крымов лежал на кушетке в спецсанчасти и, закрыв глаза, слушал приговор тюремного эскулапа, чьи жесткие пальцы он все еще ощущал на своем животе. Этот садист в грязном халате, от которого за версту несло застарелым перегаром, заправленным «свежачком», пожалуй, не менее получаса мял и крутил его живот, пах и ребра, будто не человек был перед ним, а слепок из глины, и стонущий симулянт с ужасом думал, что бы с ним сейчас сталось от боли, если бы у него действительно случился аппендицит. Этот костолом боялся ошибиться в своем диагнозе, и когда он распрямился наконец-то, на его носу висела капелька пота. Сам же Седой был мокрым от того непомерного напряжения, в котором находился все это время. А фельдшер между тем бубнил напористо:

– Повторяю еще раз! У арестованного перитонит, и я, как врач, обязан принять соответствующие меры. – Этот алкаш в халате, видимо, не хотел, чтобы его уличили в пьянстве во время дежурства, и от этого его речь была хоть и напористой, но в то же время витиевато-напыщенной.

– Так принимай! – огрызнулся дежурный офицер.

– Легко сказать, принимай. Я-то приму, но сегодня суббота, к тому же уже вечер. В санчасти кроме меня ни одной собаки больше нет, хирург только в понедельник будет. А этому, – кивок на обнаженного арестанта, – срочно нужна операция.

На какое-то время в приемной воцарилась тишина, наконец корпусной прохрипел:

– А ты того… случаем, ошибиться не мог?

– Не мог! – огрызнулся медик. – Так просимулировать приступ аппендицита просто невозможно. Понимаешь, сапог, невозможно!

Он сделал ударение на слове «так», и Крымов невольно сжался, прося милости у Бога и вспоминая уроки двадцатилетней давности, когда опытнейшие врачи с погонами на плечах натаскивали курсантов на профессиональной симуляции аппендицита и еще нескольких заболеваний, что могло бы пригодиться, случись непредвиденное. Тонкости, конечно, подзабылись, но главное…

– Ну и? – обозленно протянул обиженный «сапогом».

– Операция нужна. А у нас, как я тебе уже говорил…

– Короче, лепило, – оборвал оправдания корпусной, – чего предлагаешь?

Обдавая больного парами застарелого амбре, фельдшер огласил свой приговор:

– Госпитализировать! Причем срочно.

– Ты что… хочешь сказать, что…

– Да, именно это я и хочу сказать, – не терпящим возражения тоном произнес явно обозленный врач. – Надо вызывать конвой и везти этого чудика, который уже завтра может оказаться жмуриком, в горбольницу. А иначе…

Он явно сбрасывал с себя ответственность за жизнь подследственного, которому вскоре, возможно, придется сколачивать деревянный бушлат.

– Так куда ж его везти такого? – смирившись с этим решением, уныло произнес корпусной, и его состояние можно было понять. Привези он сейчас в больницу измордованного подследственного, на котором нет живого места, об этом тут же будет знать весь город, а пресса поднимет такой вой, что мало не покажется. И в то же время… случись вдруг во время дежурства смерть арестованного, тем более москвича, за которым неизвестно кто стоит, и начни прокуратура раскручивать это дело… Это уже попахивало служебным расследованием со всеми вытекающими последствиями.

– Раньше надо было думать, – хмуро пробубнил фельдшер, накрывая Антона простыней. – А сейчас вызывай своих контролеров, чтобы помогли привести в божеский вид этого жмурика. В больницу повезем.

…Теперь Крымова мяли пальцы дежурного врача хирургического отделения городской больницы. Несмотря на субботний вечер, этот мужик оказался на удивление трезвым, и после прощупывания брюшной полости пришел к заключению, что больного придется оперировать.

– Когда? – хмуро спросил старший конвоя.

– Что когда? – не понял хирург, ополаскивая под краном руки.

– Оперировать когда будете?

– Ну-у, во-первых, придется все анализы сделать, так что не раньше чем в понедельник, – пожал плечами врач, и Седой увидел, с какой неприязнью он покосился на прапорщика. Потом спросил, кивнув на синюшного от побоев пациента (а ведь старался, очень старался тюремный лепила, прибирая своего клиента в горбольницу, даже кровяные подтеки спиртом протер и голову от спекшейся крови отмыл): – Что, клиент, поди, с нар ненароком упал?

– Не, – ощерился старший конвоя. – Это его опера приложили, когда с риском для собственной жизни брали. Опасен, с-сука, весьма опасен.

– Убийца, что ль? – подыграл ему хирург.

– Угу, – подтвердил прапор и, видимо считая вечер вопросов законченным, перешел на доверительный тон: – И поэтому его необходимо определить в отдельную палату.

– Знаю, не впервой, – буркнул врач, однако тут же поинтересовался: – А если вдруг убийца этот сбежать надумает?

Конвоир снисходительно хмыкнул:

– Да куда он на хер денется? Я же с ним охрану оставлю.

И опять Седого везли на каталке, но теперь по больничному коридору, где пахло йодом, лекарствами и еще чем-то необыкновенно знакомым, что сопровождало его порой по жизни. Потом в небольшой одиночной палате санитары перегрузили пациента на кровать с белой простынью, что уже казалось счастьем, и его избитое, ноющее от побоев тело словно растворилось в этом медицинском комфорте.

Врач, добрая душа, чтобы облегчить страдания больного, вкатил ему какой-то укол, после которого не только отступила разлившаяся по телу боль, но и сами собой стали закрываться глаза, мозги заволокла подступающая дремота и он словно проваливался в состояние невесомости, вздрагивая каждый раз, когда воспаленное сознание возвращало его в пресс-камеру СИЗО. Перед тем, как его забрали в санчасть, над ним склонился Сиська и почти в самое ухо прошептал доверительно:

– Ты того, Седой… только не вздумай в ящик сыграть. А насчет малявы не волнуйся. Считай, что она уже в кармане Мессера.

Проснулся Крымов от прикосновения к плечу и даже удивился тому, что сразу же открыл глаза. Палата была наполнена длинными, с багряной подсветкой лучами заходящего солнца, и он не понял даже, сколько же проспал после укола. Привыкнув к этому солнечному свету, которого он был лишен в камере, уже более осмысленно всмотрелся в лица трех мужиков, которые прервали его сон. Тот, который тронул его за плечо, оказался врачом, сменившим дежурного по отделению, второй – спортивного телосложения брюнет, истинные корни которого выдавал корейский разрез глаз, и третий – уже чистой воды кореец, видимо потомок оставшихся в СССР после того, как закончилась война в Корее.

Седой покосился на прикрытую дверь, и в его мозгах стало кое-что проясняться.

Предназначенный для охранника стул был пустой, а это значило, что появившиеся в палате незнакомцы не желали иметь лишних свидетелей при разговоре с пациентом. Он перевел взгляд сначала на врача, затем на одного брюнета, потом на другого, и тут же подвел итог своему экспресс-исследованию. Если этот приятной наружности посетитель в дорогом, прекрасного покроя сером костюме и имел какое-то отношение к силовым структурам, то не иначе как к офицерскому корпусу, причем в звании не ниже майора. Теперь надо было ждать дальнейшего развития действий, причем первый ход должен был сделать именно владелец корейского разреза глаз.

Врач, между тем, присел на стул, взял левую кисть пациента в свою ладонь, отсчитав положенные секунды, проверил пульс и, явно довольный результатом, повернулся лицом к Корейцу, как мысленно окрестил шеголеватого брюнета Антон.

– Ну что ж, теперь, пожалуй, могу оставить вас одних. Если вчера этот больной находился в критическом состоянии, то сейчас… Я, конечно, не дам гарантии, что он здоров, но побеседовать с ним можно. – Он поднялся со стула и, уже стоя в дверном проеме, с просящей интонацией в голосе произнес: – Только убедительно прошу вас: не напирайте сильно. Этот больной еще весьма плох, так что будьте благоразумны.

– Буду, – пообещал Кореец, – и вот что еще, доктор… Я весьма вам благодарен и был бы рад быть полезным для вас. Как говорится, долг платежем красен. – Он сел на освободившийся стул и, когда за врачом закрылась дверь, уперся профессионально отработанным взглядом в лицо Крымова: – Седой?

Этот вопрос-утверждение прозвучал как хлесткий пистолетный выстрел, и Антон почувствовал, как у него нервным тиком дернулось веко. Надо было брать себя в руки, и он

откровенно пристально всмотрелся в слегка раскосые глаза Корейца, темные зрачки которого, словно рентген, прощупывали каждый сантиметр опухшего лица.

– Ну, положим, кое для кого и Седой, а для всех остальных – Антон Крымов.

– Остряк! – усмехнулся Кореец и тут же: – Откуда Мессера знаешь?

Он догадывался, что последует этот вопрос, но не знал, кого здесь представляет брюнет со зрачками-буравчиками, и оттого решил и далее вести свою игру.

– Вы бы, мужики, хотя бы что-нибудь более толковое придумали. А то поначалу шьете попытку убийства вашего бизнесмена, потом бросаете в пресс-камеру, а теперь вот дело до какого-то Мессера дошло. Его что, тоже пытались замочить? Или уже замочили? Так уж в таком случае повесьте на меня весь список нераскрытых мокрух – и обратно в пресс-камеру. Глядишь, и выбьете что-нибудь.

Слушая этот монолог, Кореец дождался-таки, когда больной выдохнется, и с кривой ухмылкой на лице произнес:

– Как же, выбьешь из тебя чистуху, скорее сам напишешь. – Замолчал было и уже совершенно иным, доверительным тоном произнес: – Ладно, Седой, поваляли ваньку – и будя. Привет тебе от Камышева, велел кланяться и просил передать, что в ближайшее время сможет самолично обнять тебя.

Крымов не смог сдержаться, чтобы не вздохнуть облегченно, но надо было продолжать игру, и он спросил с ноткой обиженного ребенка в голосе:

– А чего же сам не пришел?

– Не смог. Как на духу говорю, не смог, – прижав руку к сердцу, покаялся за Мессера Кореец. – Сейчас он в отъезде, но как только я зачитал ему по мобильнику твою маляву… Короче, он верил и не верил, что ты – это ты. Однако было приказано провентилировать твой вопрос и держать ситуацию под контролем.

– Ну и как, провентилировали? – поинтересовался Седой, покосившись на второго корейца, который за все время и рта не раскрыл.

– Как говорят в Париже, все тип-топ, – успокоил его посетитель в сером костюме. – Так что СИЗО и прочие неприятности я беру на себя. Врубаешься, надеюсь?

Он врубался.

– Ну, вы и даете, ребята! Считайте, что Москва снимает перед вами шляпу. – И тут же: – Ты бы хоть представился, мил человек. А то неловко как-то получается. Ты обо мне знаешь, считай, все, а я о тебе…

– Понял и каюсь, – сотворив виноватую мину на лице, хмыкнул Кореец. – Зенон Гамазин, друг Романа Михайловича, а это… Впрочем, просто Владимир Ли.

Седой сотворил на лице положенную в данном случае мину.

– Что ж, весьма приятно, что у Романа такие кадры, но давайте перейдем к делу. Отсюда как выбраться? К тому же на стол могут в любой день положить. А это мне, как сам догадываешься…

– Так ты что… – удивленно протянул Владимир Ли, – не того, не при делах?

– Какие на хер дела! – приподнялся на подушке больной. – Весь этот цирк мне нужен был лишь для того, чтобы от Брыля на денек-другой оторваться. Да и ноги отсюда легче сделать. Считай, что уже во вторник меня бы здесь не было.

– М-да, – с невольным уважением в голосе протянул Гамазин, – много чего я повидал, когда в ментовке пахал, но чтобы вот так просимулировать перитонит… Считай, что я тоже перед тобой снимаю шляпу, но это несколько осложняет твое освобождение. И все-таки, – чуть погодя произнес он, – может, остановимся все-таки на операции? Подумай.

Когда Кореец ушел, предварительно выставив из палаты стул, на котором до этого восседал охранник, Антон откинулся на подушку и закрыл глаза. Все вроде бы складывалось как надо, но операция… Надо было на что-то решаться.

Первое, что услышал Крымов, когда к нему возвратилось сознание и он открыл глаза, так это слова медсестры, которая ставила капельницу:

– Считайте, что заново на свет родились. Пал Палыч сказал, еще бы денек-другой, и резать вас уже было бы поздно.

– Это почему же? – шевельнув все еще непослушным языком, улыбнулся ей больной. – Думаю, что человечка резать никогда не поздно.

– Может, оно и так, но одно дело, когда режет такой хирург, как Пал Палыч, и совсем другой коленкор, когда режет патологоанатом.

С подобным утверждением трудно было спорить, и Антон посчитал за лучшее помолчать, тем более что силы оставили его окончательно, и он закрыл глаза, понимая, что главное для него – это как можно скорее подняться на ноги и вернуться в прежнюю форму.

Закрепив капельницу на штативе и проткнув на левой руке вену, в которую тут же стал вливаться живительный раствор, медсестра жалостливо вздохнула, дотронувшись рукой до седого завитка волос сорокалетнего мужика, и ушла, оставив прооперированного наедине со своими мыслями. Господи милостивый, да кто же его так гладил в последний раз? И когда? Пожалуй, и не припомнить. Выросший в интернате на берегу Охотского моря, он не знал ни отца, ни матери, сгинувших на колымских приисках, а когда началась совсем уж суровая жизнь в спецшколе, куда его рекомендовали магаданские комитетчики, там уж и вовсе было не до телячьих нежностей. Анализируя время, проведенное в спецшколе, Крымов уже давно пришел к мысли, что обыкновенному человеку оно бы показалось чистилищем. Ну а после окончания учебы – звание лейтенанта, и началась для него служба, которую тоже сладкой не назовешь.

В свое время приказом Юрия Владимировича Андропова в КГБ СССР были созданы подразделения В и С, основная цель которых – организация целенаправленной ликвидации главарей организованной преступности. Секретные сотрудники проходили стажировку по особой программе во Втором управлении КГБ, а дальше… дальше им давали «путевку» в жизнь. Составляли мобильные группы и внедряли в преступную среду. Поддержка осуществлялась со стороны криминальных авторитетов, которых удавалось завербовать на зоне или же на воле. Ну а с распадом СССР… О том времени даже вспоминать было страшно. Брошенные на произвол судьбы, группы разваливались, и элита некогда сверхсекретных подразделений как могла выбиралась из того дерьма, в котором оказалась после известных событий девяносто первого года. Их просто предали.

Крымова, который в девяностом году был внедрен на зону и раскручивал двух авторитетов карагандинской группировки, вытащил нынешний генерал Панков, на то время майор, и Антон смог подняться выше своих личных обид, оставшись работать в госбезопасности. Панков убедил новое руководство «конторы» законсервировать до поры до времени Седого, который уже наработал весомый авторитет в криминальных кругах, и попытаться использовать его уже по новой программе, оставив при этом проверенную временем легенду. О том, что Седой и подполковник СВР Крымов – одно и то же лицо, на Лубянке знали всего лишь несколько человек.

Задание, с которым он сейчас прилетел на Сахалин, по своей сложности превышало все предыдущие и было тринадцатым по счету с тех пор, как он дал согласие вернуться в строй. Он не очень-то верил в приметы, но даже здесь, в больничной палате на душе скребли кошки, и он заснул, почти физически ощущая, как через шприц, капля за каплей, в вену стекает целительный раствор. Он не мог сказать, сколько проспал, однако когда открыл глаза, за окном уже расцветал новый день, и он позволил себе улыбнуться. Но что более всего обрадовало его,

так это чувство голода, которое пропало с тех самых пор, как он попал под пресс капитана Брыля и его костолома Сиськи. И еще страшно захотелось в туалет – переполненный раствором организм нуждался в освобождении. Можно было бы, конечно, воспользоваться и уткой, но требование сводить его давало возможность провериться относительно охраны, и он нажал кнопочку звонка в изголовье больничной койки. В ожидании персонала принял вертикальное положение и осторожно, опасаясь потревожить свежий шов, спустил ноги на пол.

Сделал шаг, другой, и в этот момент в дверном проеме появилась все та же медсестра, что нянчилась с ним после операции.

– Больной! – попыталась возвать она к чувству разума. – Вам еще не менее суток лежать, а вы… Я понимаю, что вы своей жизнью не дорожите, но я-то здесь при чем? Не дай-то бог упадете, и шов разойдется… с меня же десять шкур снимут.

– Сестричка, дорогая, – заканючил Крымов, – вы же меня тоже поймите: в горле булькает, так в туалет охота.

– Так вон же она, утка-то, ими все больные пользуются.

– А я вот не могу, я уж лучше до туалета дойду. Тем более что после ваших капельниц чувствую себя распрекрасно.

Стрела попала в цель, и явно довольная этой похвалой медсестра заговорщицки прошептала, приложив палец к губам:

– Ладно уж тебе меня нахваливать, это Пал Палычу скажи спасибо, что операцию в одно касание провел. Пойдем уж, провожу.

Все еще сомневаясь, что с него действительно сняли охрану, Антон невольно обернулся на дверь палаты, у которой должен был сидеть охранник, но коридор был пуст, и он поверил в возможности Зенона Гамазина. Но окончательно убедился в этом, когда его перевезли в отдельную палату с телевизором и персональным холодильником, который уже был забит баночками с соками, фруктами и теми продуктами, что разрешил лечащий врач, но главный сюрприз его ждал впереди.

В среду после врачебного обхода в палате нарисовался капитан Брыль и как ни в чем не бывало справился о самочувствии. После чего пробормотал какие-то несуразные слова о том, что не ошибается только тот, кто ничего не делает, и, дав больному расписаться на какой-то бумажке, пробурчал, что он, мол, извиняется за следственную ошибку, а «господин Крымов может возвращаться в свою Москву».

Все это походило на сказку, и все-таки было правдой.

Когда Брыль покинул палату, Седой поднялся с койки, подошел к окну и с силой растер виски. Лишь сейчас он стал по-настоящему понимать, насколько сильно подмял под себя этот рыбацкий регион его давнишний корешок Рома Камышев. Тем не менее, каким бы большим ни было влияние Мессера на Сахалине, но проблем у него после убийства Сохатого прибавилось, и главная из них, насколько мог догадываться Антон, это «недокомплект» тех людей, на которых он мог бы положиться.

о. ХОККАЙДО, ВАККАНАЙ

В Вакканае Родионова встречал офицер иностранного отдела полицейского управления губернаторства Хоккайдо Акира Нуамо, прибывший сюда из Саппоро сразу же после того, как был обнаружен труп генерального директора «Дальросы» Ложникова. Примерно тех же лет, высокий, стройный и по-японски улыбчивый, он с первых же минут удивил гостя прекрасным знанием русского языка, на котором изъяснялся практически без акцента. Это было поразительно, и когда следователь спросил его об этом, Нуамо поначалу только плечами пожал.

– Как говорят у вас в России, нужда заставила. – И уловив недоуменный взгляд москвича, пояснил: – Нынешние времена, что ветер в Вакканае, то в одну сторону задует, то в другую, и если десять лет назад наша молодежь отдавала предпочтение английскому языку,

то теперь японцы все больше смотрят в сторону России. Так что я еще в школе стал изучать русский.

– А затем спецкурс в академии?

– Угадал, но и это еще не все. Когда я уже работал в иностранном отделе и столкнулся с теми проблемами, которые возникли на Хоккайдо сразу же, как только в России пришел к власти президент Ельцин, то уже сам Бог велел продолжить изучение русского языка, а вместе с ним и психологию тех ваших рыбаков, для которых наши порты стали вторым домом.

Родионов молча проглотил деликатный намек на криминализацию дальневосточных рыбаков, которыми такие порты, как Отару, Ханасаки и Вакканай, действительно воспринимались едва ли не как свои. Пока Нуамо вез его до гостиницы, он подивился обилию небольших магазинов, кафе и ресторанчиков, вывески которых напомнили ему Москву девяностых годов. Там, правда, преобладала уличная реклама на исковерканном английском, а здесь – на русском. Уже темнело, когда офицер помог ему разместиться в забронированном для него номере и предупредил портье, что русский не знаком с местными правилами и обычаями, но зато является его личным гостем и поэтому относиться к нему нужно подобающе, после чего пригласил его в ресторан, где им предоставили небольшой кабинет на двоих со столиком на крохотных ножках. Поинтересовался, пил ли московский следователь когда-нибудь настоящее саке, после чего сделал заказ застывшему подле них официанту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.